

slon

Санкции замедленного действия, или Россия в нефтяной ловушке

[Петр
Казначеев](#)

[Подписаться](#)

На этой неделе нефть продолжала стремительно дешеветь, опустившись до уровня \$66 за баррель Brent. Для российской экономики и для бюджета, половину которого составляют нефтегазовые поступления, это серьезнейшее испытание. Как следствие, медиа продолжают с ажиотажем следить за падением котировок, на фоне которого остальные события оказываются на периферии. Это относится в том числе и к санкциям, которые были в центре внимания всего пару месяцев назад. А между тем кумулятивный эффект от санкций и падения цен создает новое и очень непростое положение в отрасли. Признание этого факта – первый шаг к тому, чтобы начать искать выход из сложившейся ситуации.

Двойной удар

Ведущие российские компании, которые до последнего пытались продемонстрировать хладнокровие перед лицом санкций, в конце концов вынуждены были признать их действие. Так, заместитель гендиректора «Лукойла» Леонид Федун сделал откровенное признание в интервью Financial Times: под влиянием санкций велика вероятность сокращения добычи нефти в России, она может упасть на 7% в год. До такого уровня она опустится не сразу, а в течение четырех-пяти лет, но сокращение начнется уже со следующего года.

Отраслевые аналитики говорили об этом давно, но совсем другое дело, когда такой прогноз делает представитель второй по величине нефтяной компании в стране. Психологическая разница для рынка очень существенна. Некоторые даже посчитали, что заявление Федуна нарушает негласный кодекс поведения нефтяных гигантов в России: о добыче хорошо или ничего. Но это высказывание больше похоже на крик о помощи: чистая прибыль «Лукойла» в третьем квартале сократилась по сравнению с прошлым годом на 50%.

«Роснефть» также вынуждена была признать влияние санкций. В конце лета Игорь Сечин попросил выделить 1,5 трлн рублей из Фонда национального благосостояния. Официальное обоснование – освоение газа в Восточной Сибири и строительство нефтехимического комплекса на Дальнем Востоке. Про санкции тогда не было сказано ни слова. Но уже в октябре тональность поменялась. Увеличилась и запрашиваемая сумма: на этот раз 2 трлн рублей (это половина имеющихся в ФНБ средств), необходимые из-за действия санкций и невозможности рефинансировать долг компании в западных банках.

Как говорят, беда не приходит одна: действие санкций усугубилось резким удешевлением нефти. Отскок цены так и не произошел – снижение котировок продолжается. Падкий до конспирологии российский истеблишмент сразу же произвел на свет серию теорий заговора для объяснения происходящего. Но факторы, повлиявшие на цену, начали складываться задолго до событий на Украине и введения санкций. Толчок инновациям в

освоении сланцевых месторождений в США дали реформы в отрасли и налоговые изменения, принятые еще в 1980 году. Другие факторы тоже вряд ли можно отнести к категории заговора – например, решение Мексики допустить в нефтяной сектор международные компании или снижение прогноза роста китайской экономики, а как следствие – спроса на энергоносители.

Отказ Саудовской Аравии снижать добычу является просто констатацией того факта, что ее влияние на цену стало еще менее существенным. Международный энергетический ландшафт стремительно меняется, на нем появляются дополнительные влиятельные игроки, прежде всего США, которые постепенно занимают место так называемого swing producer. В этой ситуации, сократив добычу, Саудовская Аравия рискует потерять долю на рынке, не получив ничего взамен.

Действие санкций на нефтяной сектор

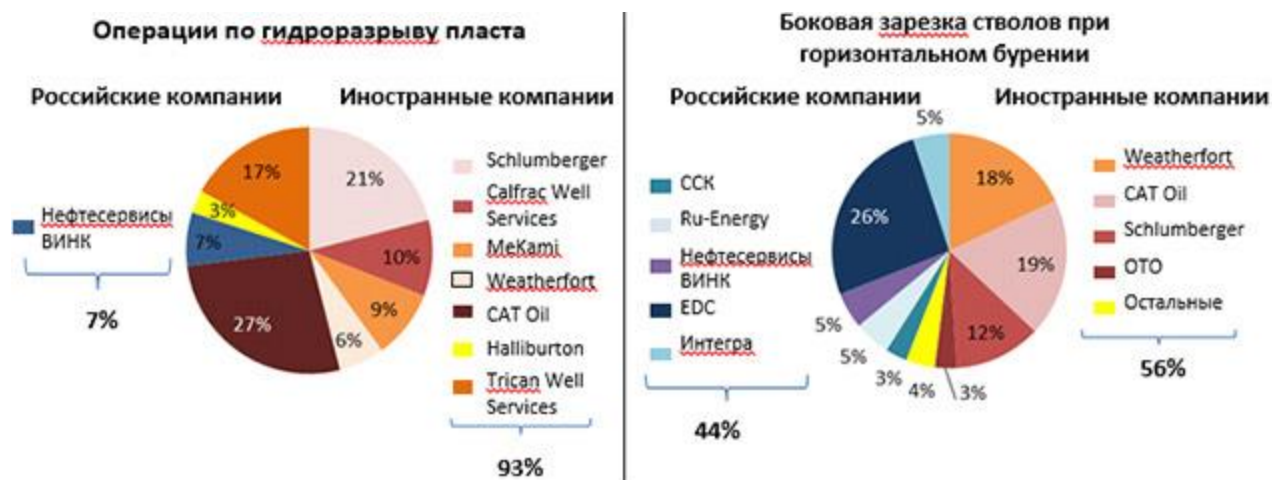
До введения третьего пакета ограничительных мер отношение к санкциям было скорее скептическим. Первый и второй пакеты санкций были демонстративными: ужесточение визового режима, запрет на въезд и замораживание активов ряда российских чиновников и бизнесменов и т.д. Эти меры имели символическое значение, но были экономически малоэффективны, особенно в отношении нефтяного сектора.

Однако оказалось, что есть вариант, который в начале противостояния мало кем рассматривался. Это «умные санкции», основанные не на тотальной торговой войне, а на точечных мерах воздействия. Одна из целей таких мер – давление непосредственно на саму нефтегазовую отрасль России с тем, чтобы сократить объемы производства углеводородов и, как следствие, доходы государства. Именно такие меры и стали основой третьего пакета санкций стран Европы и США, который был принят в начале августа, а потом дополнен рядом мер в сентябре.

Нефтегазовый сектор затрагивают ограничения на поставку специализированного оборудования и технологий, прежде всего для разработки трудноизвлекаемых запасов. Под санкции попадает несколько десятков видов продукции для нефтяной промышленности, в том числе мобильные буровые вышки, плавучие буровые платформы, морские платформы, оборудование для разработки арктического шельфа и сланцевых нефтяных и газовых запасов. Основной мишенью данных ограничений являются не нынешние добывающие проекты, а те месторождения, на которых нефть и газ могли бы добываться через несколько лет, замещая падающую добычу на традиционных месторождениях. Надо иметь в виду, что объем трудноизвлекаемых запасов (сверхвязкая, тяжелая и битуминозная нефть) составляет более половины разведанных запасов нефти в России.

Основное внимание в анализе действия санкций обычно сосредоточено на работе добывающих корпораций. Однако не менее, а возможно, и более чувствительным может оказаться сокращение деятельности нефтесервисных компаний. По подсчетам Центра сырьевой экономики РАНХиГС, во всем секторе нефтесервисов доля иностранного участия значительна – она составляет 23% (из российских игроков основную долю занимают сервисы вертикально-интегрированных нефтяных компаний (ВИНК), у них 32% рынка). Опора же на иностранные нефтесервисные компании в российских проектах, связанных с горизонтальным бурением, составляет 56%, а в области технологий гидроразрыва пласта зависимость практически полная – 93%.

Сегменты, наиболее зависимые от иностранных компаний

Также ключевым является участие западных компаний в проектах на арктическом шельфе. Приостановка бурения на скважине «Университетская» в Карском море – совместном проекте «Роснефти» и ExxonMobil – стала одним из первых и наиболее наглядных результатов действия санкций. Без участия международных корпораций разработка российской Арктики может быть отложена на неопределенно долгое время.

В дополнение к прямым запретам на поставки оборудования есть еще санкции, неспецифические для нефтяной отрасли, к которым относятся, прежде всего, ограничения в финансовой сфере. Страны ОЭСР, присоединившиеся к санкциям, ограничивают возможности займа средств на срок более 30 дней (изначально 90 дней, но потом условия были ужесточены). В список Евросоюза попали крупнейшие российские банки и корпорации, включая «Роснефть», «Транснефть» и «Газпромнефть», а в список США еще и «Газпром», «Лукойл» и «Сургутнефтегаз». Уже упоминавшийся запрос «Роснефти» о получении от государства 2 трлн рублей – это реакция на проблемы с рефинансированием огромного долга компании (после приобретения ТНК-ВР совокупный долг «Роснефти» увеличился в три раза). Сообщения о сокращении инвестпрограмм

других российских нефтегазовых компаний, в частности «Лукойла», также наглядно демонстрируют эффект финансовых санкций.

Новые санкции, старые проблемы

«Умные санкции» структурированы таким образом, чтобы минимально затрагивать интересы самих стран Запада. При этом важно понимать, что, какими бы «умными» ни были санкции, экономические законы неумолимы: в конечном счете от действия санкций страдают обе стороны, хотя и в неравной степени. Пока что Западу в целом удалось свести свои издержки к минимуму. Прежде всего потому, что санкции не вызвали роста нефтяных цен (а на возможность этого указывали некоторые наблюдатели). Напротив, цены на нефть пока продолжают стремительно падать.

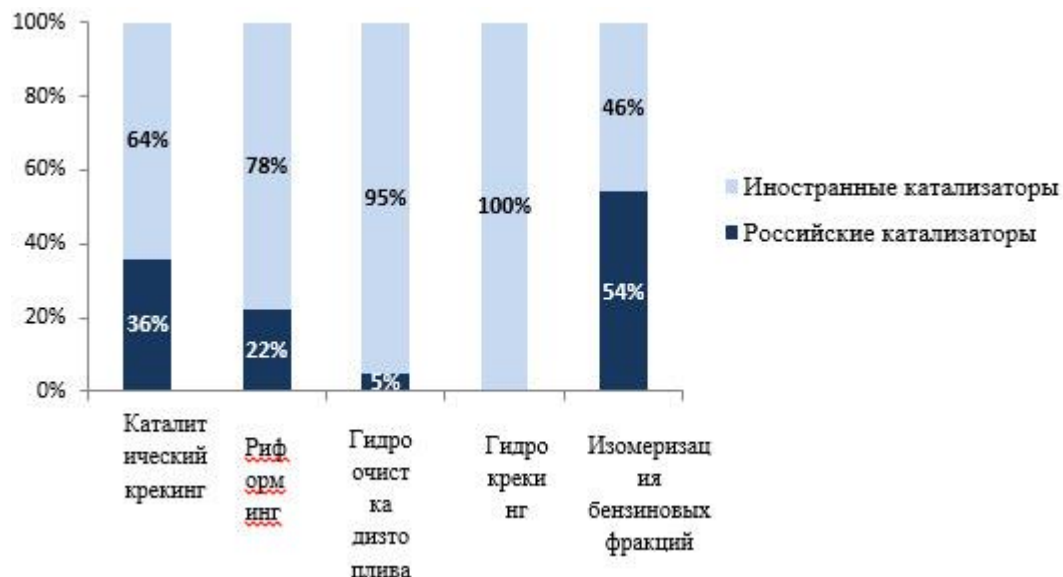
Ключевая особенность третьего санкционного пакета в том, что он построен по принципу синергии с эффектом глобального удешевления нефти. Западные политики просчитали, что снижение цен на нефть может привести к сокращению добычи на тех российских месторождениях, где производство становится нерентабельным из-за высокой себестоимости. Для этого не нужно подключать санкции. А вот как поведет себя цена в долгосрочной и даже среднесрочной перспективе, не может предсказать никто. Поэтому санкции направлены именно на сокращение добычи в будущем – за счет ограничения поставок необходимого оборудования и предоставления финансирования.

Для потенциального усиления давления на Россию у Запада, скорее всего, уже есть какие-то заготовки на случай эскалации противостояния. Очень хочется надеяться, что такого развития событий все же удастся избежать, но опыт последнего года учит нас самым серьезным образом относиться к пессимистическим сценариям. Поэтому закономерен вопрос: разработан ли уже четвертый санкционный пакет? И если да, то что в нем заготовлено для нефтегаза? Деталей мы не знаем, но в целом есть понимание, что у российского ТЭКа есть и другие уязвимые точки. Одной из них является сектор переработки нефти, на который до сих пор практически не обращали внимания в разговоре про санкции.

В процессе переработки используются катализаторы – вещества, ускоряющие реакцию, но не входящее в состав продуктов реакции. В зависимости от процесса переработки применяется определенный вид катализатора. Годовой объем потребления катализаторов в нефтепереработке в России составляет около 58 тысяч тонн. По подсчетам Центра сырьевой экономики РАНХиГС, порядка 60–70% из данного объема закупается у иностранных производителей из США (Engelhard Technologies и W.R. Grace & Co) и Германии (BASF и Sud-Chemie). Наиболее уязвимыми являются два процесса, в которых в России практически полностью используют зарубежные катализаторы –

гидроочистка дизельного топлива и гидрокрекинг (процесс для переработки особо тяжелых марок нефти).

Доля иностранных катализаторов в нефтепереработке, 2013 год

Потенциально введение санкций на ввоз в страну зарубежных катализаторов может привести к сокращению на 50–70% отечественных мощностей по глубокой переработке нефти. В отличие от санкций третьего пакета такие меры могут оказать давление на сектор в ближайшей перспективе после их ввода в действие. В дальнейшем можно было бы наладить собственное производство катализаторов, но это в перспективе двух-трех лет. А вот чтобы их чем-то заменить до этого, придется немало поломать голову. Так что, похоже, что как минимум один «козырь в рукаве» для четвертого санкционного пакета у Запада имеется.

События последних месяцев показывают, что Запад готов вести тяжелое, затяжное позиционное противостояние с Россией. Речь не о попытке оказать резкое одномоментное воздействие, как предполагалось ранее, а о постепенном, нарастающем давлении. Очевидно, что решение проблемы санкций имеет политический характер. Но было бы наивно полагать, что отмена санкций решит все проблемы отрасли. Проблемы энергетического сектора в России связаны прежде всего не с санкциями. Они намного старше нынешнего внешнеполитического кризиса и имеют структурный характер, как, собственно, и проблемы других отраслей. Показательно, что при высоких ценах на нефть (и без каких-либо санкций) в период с 2009 года и до середины этого года темпы роста добычи нефти в России сократились, а не возросли по сравнению с предыдущим десятилетием. Более того, падение абсолютных объемов добычи с 2015 года некоторые аналитики предсказывали и без санкций (Bank of America оценивал падение в 1,5% в год).

Но в экономическом смысле задача не только в том, чтобы поддерживать абсолютные объемы добычи нефти любой ценой, а в том, чтобы повышать доходы от производства. То есть это не только вопрос о том, сколько миллионов баррелей Россия продаст, а еще и о том, какой доход будет получен с каждого барреля и как налоги с этого барреля будут потом потрачены. Это вопрос эффективности отрасли и государственного управления. Как это часто бывает в России, основную проблему часто видят во внешних обстоятельствах, хотя главный источник проблем находится внутри. Именно низкая эффективность составляет ключевой риск для сектора ТЭК. У низкой эффективности различные причины: сверхгосударствление, коррупция, неэффективное налогообложение, нехватка малых и средних инновационных компаний в геологоразведке, непрозрачное распределение лицензий, дефицит квалифицированных кадров. От решения этих проблем будет в первую очередь зависеть уровень доходности нефтегазового экспорта и вклад сырьевой отрасли в рост российской экономики.

Автор – директор Центра сырьевой экономики РАНХиГС, управляющий партнер консалтинговой компании «Хазна Стрэтэджис»